

клуб «книголюбов»

«ТВОРЧЕСТВО Мажита Гафури сыграло особую большую роль в формировании нашей литературы и занимает виднейшее место в ее истории. К творческому наследию писателя мы относимся с большим уважением. Своим творчеством Гафури участвует не только в деле идейного воспитания людей, но и, благотворно влияя на литературу, участвует и в живом литературном процессе. Поэтому мы о нем говорим как о живом современнике». Слова эти принадлежат Мустаю Кариму.

Для современной башкирской литературы традиции Мажита Гафури — не архивное наследие, запыленное пылью десятилетий, которая изредка сдувается особо ревностными почитателями поэта. Это живой родник тем, идей, образов, художественных средств, помогающий писателям Башкирии в поступательном движении по пути эстетического освоения действительности. И потому исследование творческого опыта Мажита Гафури, страниц его биографии, получивших литературно-художественную переплавку в поэзии и прозе, едва ли потеряет актуальность в обозримом будущем. В этом смысле книга Г. Рамазанова* — отклик на потребности времени, истории национальной культуры, литературной науки и творческой практики.

Стремясь воспроизвести творческую эволюцию писателя, теснейшими узлами связанного с жизнью народа, автор делит творческую биографию Гафури на два важнейших этапа — дореволюционный и послереволюционный, рассматривая динамику становления его идейно-художественных воззрений и на более локальных временных отрезках внутри этапов.

Г. Рамазанов рассматривает деятельность Гафури на широком фоне идейно-художественных взаимосвязей башкирской и татарской литературы, привлекая для понимания общественно-исторических мотивов эволюции писателя свидетельства социальной истории общества. Такой подход, бесспорно, методологически плодотворен. Он-то и помогает отбросить различного рода случайности в трактовке мировоззрения писателя и особенностей его произведений.

* Г. Рамазанов. Мажит Гафури. Очерк жизни и творчества. М., «Советская Россия», 1980.

Обращаясь к первым литературным опытам Мажита Гафури, автор сосредоточивает внимание на просветительских основах мировоззрения начинающего поэта и обусловленных ими эстетических принципах. Он отмечает, в частности, широкое использование приемов риторической, рационалистической восточной поэзии, а также насыщенность творчества молодого поэта фольклором башкирского, татарского и казахского народов. Социально-политическим взглядам Мажита Гафури в эту пору свойственны мелкобуржуазные иллюзии, преувеличенные представления о роли просвещения в социальном переустройстве действительности.

СЛОВНО ЖИВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Однако последующие события, в особенности годы «великой схватки» (первая русская революция), вносят существенные коррективы в его миропонимание, вызывают появление новых стилистических черт в поэзии и прозе.

Пристальный интерес к жизни народных масс, стремление разобраться в социальной подоплеке классовых схваток вызывают появление в творчестве Мажита Гафури черт революционно-демократической идеологии. Одновременно происходят сдвиги в художественном сознании писателя, свидетельствующие о вступлении его на путь критического реализма, что отчетливо проявилось, например, в стихотворении «Я вышел на базар» (1907).

Еще большее воздействие на Мажита Гафури оказало последующее десятилетие (1907—1917 гг.), которое привело его (поворотным стало стихотворение «Я и мечта») к активной защите социальных интересов трудящихся масс, к изживанию религиозных мотивов, и — как закономерный итог эволюции поэта, вставшего на сторону народа, — к безоговорочному принятию Октябрьской революции. В творчестве писателя усиливаются героико-романтические тенденции. А обращение к художественному воспроизведению новой действительности, к темам пролетарского интернационализма, к показу революционизирующего влияния победы Октября на зарубежные страны, особенно на народы Востока, вызвало к жизни первые ростки социалистического реализма.

Г. Рамазанов подробно характеризует творчество Мажита Гафури 20—30-х годов, показывая его многогранность, глубочайшую приверженность идеалам партии и народа, патриотизм и интер-

национализм, но в то же время и отголоски «приемов и образов классической восточной поэзии». Для поэтического воспроизведения нового мира Гафури широко использует прием антитезы, который станет характерным в поэтике новой советской башкирской литературы. Таковы, в частности, стихотворения «На красную доску», «Интернационализм» и многие другие. В области форм Гафури искал наиболее доступные широким массам приемы, стихотворные ритмы и размеры, образные обороты и емкие слова. Повести «Черноликие» (1922), «Ступени жизни» (1928), «На золотых приисках поэта» (1930) стали глупо-

боким исследованием и обобщением социальной сути дореволюционной башкирской действительности, осмыслением путей формирования нового героя, строителя новой жизни, свидетельствуя о плодотворном освоении башкирским писателем горьковских традиций.

Исследование Г. Рамазанова богато фактическим материалом, отличается довольно стройной, хотя и не лишенной ортодоксальности, концепцией, верностью исходных методологических принципов, чего, к сожалению, не скажешь о методике литературоведческого анализа, уровень которого снижает некоторая голословность.

Вот, к примеру, очень показательный в этом отношении анализ художественного своеобразия любовной лирики Гафури советского периода: «В любовной лирике у Гафури еще сильно дают себя знать приемы и образы классической восточной поэзии. Для воссоздания образа любимой, например, поэт посвящает отдельные стихи описанию ее тени, волос, ног, родинки и т. п. Но поэт и в стихах на традиционные темы находит свои новые образы и детали». Но каковы эти «новые образы и детали» читатель не узнает.

И тем не менее радует то, что по сравнению с монографией Г. Рамазанова «Творчество Мажита Гафури», изданной в Уфе десятилетием ранее, новая книга тоньше во всех отношениях: по объему, по наблюдениям, по интерпретации материала, по историко-литературным аналогиям и выводам.

В. СМЕРНОВ,
кандидат филологических наук.

Вечерняя уфа
г. Уфа

2.1
ММ 1981